

Филипп
Пулман

КНИГА
ПЫЛИ

Тайное
содружество

Издательство АСТ
Москва

*Посвящается Нику Мессенджеру,
прекрасному поэту и неукротимому другу*

ОТ АВТОРА

«Тайное содружество» — вторая часть трилогии «Книга Пыли». Ее главная героиня, Лира Сирин, в прошлом известная под именем Лира Белаква, была центральным персонажем и в предыдущей трилогии, «Темные начала». Более того, первая трилогия началась и заканчивалась ее именем. В той истории Лире было всего одиннадцать или двенадцать лет.

В книге «Прекрасная дикарка» — первой части второй трилогии — Лира еще совсем маленькая. Она и здесь занимает центральное место в повествовании, но главным действующим лицом оказывается одиннадцатилетний мальчик, Малкольм Полстед.

В «Тайном содружестве» мы переносимся лет на двадцать вперед. События «Темных начал» остались в прошлом: Малкольм и Лира стали старше на десять лет. События «Прекрасной дикарки» отошли еще дальше в прошлое.

Но ничто не проходит бесследно, и последствия некоторых событий становятся явными не сразу, а лишь много лет спустя. Да и мир не стоит на месте: расстановка сил меняется, кто-то набирает влияние, кто-то, наоборот, теряет. У взрослых — свои проблемы и заботы, не всегда такие же, как в детстве. А Лира и Малкольм, повторюсь, уже не дети.

Филип Пулман

Всё, во что возможно поверить, —
образ истины.

Уильям Блейк

Глава 1

ЛУННЫЙ СВЕТ И ПРОЛИТАЯ КРОВЬ

В колледже Святой Софии, на подоконнике тесной комнатухи, служившей одновременно и кабинетом, и спальней, лежал Пантелеймон, деймон Лиры Белаковы, которую теперь звали Лира Сириин. Он ни о чем не думал — насколько мог, но чувствовал всё — и холод сквозняка из-под плохо подогнанной рамы, и тепло лампы, светившей вниз, на столе, и скрип Лириного пера, и тьму за окном. Холод и тьма, вот чего ему сейчас хотелось больше всего. А говорить с Лирой не хотелось. Но пока он так лежал, ворочаясь с боку на бок и подставляя сквозняку то спинку, то живот, желание выйти наружу становилось все сильнее и, наконец, победило.

— Открой окно, — сказал он. — Я хочу выйти.

Перо Лиры замерло. Отодвинув стул, она встала. Пантелеймон видел в стекле ее отражение, парящее над ночным Оксфордом. И даже мог прочесть по ее лицу, что она возмущена и недовольна.

— Я знаю, что ты хочешь сказать, — добавил он. — Само собой, я буду осторожен! Я не дурак!

— Это как посмотреть, — буркнула Лира.

Она подняла раму и подперла ее первой подвернувшейся под руку книгой.

— Только не... — начал он.

— Только не закрывай окно? Ну конечно, Пан! Просто сиди тут и мерзни, пока Пан не соизволит вернуться. Я, знаешь ли, тоже не полная дура. Всё, хватит! Проваливай!

Он скользнул наружу, в заросли плюща, оплетавшего стену колледжа. До ушей Лиры донесся лишь едва слышный шорох, да и тот через мгновение стих. Пану не нравилось, как они с Лирой теперь общались, или, вернее, не общались. Это были первые слова, которыми они обменялись друг с другом за целый день. Но он не понимал, как это исправить, и Лира тоже.

На полпути вниз ему попалась мышь. Пан запустил в нее острые иглы зубов и хотел съесть, но, к удивлению мыши, передумал и отпустил. Сидя на толстой ветке плюща, он с наслаждением купался в запахах, в шальных порывах ветра, во всей бескрайней, распахнутой настезь ночи.

Но об осторожности забывать было нельзя. На то имелось две причины. Первая — сливочно-белое пятно у него на шее, досадно ярко сверкавшее на фоне красно-бурого меха. Впрочем, не так уж трудно бежать, не поднимая головы, или просто побыстрее перебирать лапами. Вторая причина была куда серьезнее. При виде Пана никому бы и в голову не пришло, что он — обычный хорек. Да, он выглядел точь-в-точь как хорек, но все же был деймоном. Объяснить, в чем разница, было очень сложно, но в Лирином мире любой человек почувствовал бы ее сразу, как мы узнаем кофе по запаху или видим, что красный цвет — красный.

И любой с уверенностью сказал бы, что человек без деймона, как и деймон без человека — это жутко, противоестественно и невозможно. Обычному человеку было не под силу отделиться от своего деймона, хотя ведьмы, по слухам, это умели. Так что Лира и Пан обладили особым даром, который восемь лет назад обрели в мире мертвых, дорого за это заплатив. Вернувшись в Оксфорд, они никому об этом не рассказывали и прилагали все усилия, чтобы тайна не вышла на свет. Но иногда, а в последнее время все чаще, они чувствовали необходимость побыть друг без друга.

Пан держался в тени, пробираясь сквозь кусты и высокую траву по краю огромных, аккуратно подстриженных лужаек Университетского парка. Он впитывал ночь всеми доступными органами чувств, но не издавал ни звука и не поднимал головы. Вечером прошел дождь, земля под ногами была мягкой и влажной. Вскоре на пути попалась лужица, и Пан, подогнув лапы, окунулся грудью в жидкую грязь, чтобы замазать предательское пятно под подбородком.

Оставив парк позади, он метнулся через Банбери-роуд, выждав момент, когда на тротуаре не осталось ни одного пешехода и только вдалеке виднелся одинокий экипаж. На другой стороне улицы Пан юркнул за ограду большого дома и помчался дальше — сквозь живые изгороди, по стенам, под заборами, через садики и лужайки. От Иерихона* и канала его отделяло всего несколько улиц.

* Иерихон (Джерико) — исторический пригород Оксфорда, названный в честь библейского города и расположенный на берегу Оксфордского канала за пределами старой городской стены. *(Здесь и далее прим. переводчиков.)*

Добравшись до раскисшей от дождя тропинки вдоль канала, он немного успокоился. Тут росли кусты и высокая трава, в которых легко было спрятаться, и деревья, — а уж взобраться на дерево Пан мог быстрее, чем огонь бежит по фитилю к пороховой бочке. Эта полудикая часть города нравилась ему больше всего. Он знал наизусть все ручьи и реки, разрезавшие Оксфорд вдоль и поперек, — не только канал, но и широкий простор самой Темзы, и впадавший в нее Черуэлл, и все бесчисленные мелкие протоки, отведенные от них, чтобы вращать колесо водяной мельницы или питать декоративный пруд. Иногда они исчезали под землей, чтобы снова вынырнуть на поверхность из-под стены какого-нибудь колледжа, за одним из городских кладбищ или за пивоварней.

Там, где один из таких ручейков приближался к каналу почти вплотную и их разделяла лишь узкая тропинка, Пан перебежал кованый мостик и двинулся вниз по течению — к обширным садам и огородам, раскинувшимся к югу от скотного рынка Окспенс и к востоку от станции Королевской почты и железнодорожного вокзала.

Сияла полная луна, между несущимися по небу клочьями туч проглядывали редкие звезды. Гулять при лунном свете было вдвойне опасно, и все же Пан наслаждался этим холодным, серебристым сиянием. Неслышно, как тень, он крался под деревьями, проskalьзывал между стеблями брюссельской и цветной капусты, между стрелками лука и шпината, пока не добрался до садового сарая. Запрыгнув наверх, он распластался на плоской крыше, покрытой толем, и стал разглядывать почтовую станцию вдалеке за широким лугом.

Похоже, это было единственное место в городе, где и ночью бурлила жизнь. Пан не раз приходил сюда вместе с Лирой посмотреть на поезда, прибывающие с севера и юга и разводящие пары у платформы, пока рабочие выгружают мешки с посылками и письмами в большие корзины на колесах и катят их в огромный, обшитый металлическими листами ангар. В этом сарае почту в Лондон и на континент сортировали, чтобы отправить дальше с утренним дирижаблем. Воздушный корабль стоял тут же: гондола раскачивалась на ветру, стальные тросы то натягивались во всю длину, то провисали, со звоном ударяясь о причальную мачту. Повсюду горели фонари — и на платформе, и на мачте, и над входом в ангар. На боковых путях гремели вагоны, створки металлических дверей то расходились, то с лязгом захлопывались.

Краем глаза Пан заметил движение справа. Очень медленно повернул голову. Вдоль грядки с капустой или брокколи кошка кралась за мышью. Но прыгнуть она не успела. Бесшумная белая тень, больше Пана, обрушилась перед ней с высоты и, схватив добычу, взмыла в небо, подальше от кошачьих когтей. Мерно взмахивая крыльями, сова пролетела над огородами и опустилась на дерево за Райской площадью. Кошка сидела, словно задумавшись, как же это она так оплошала, но вскоре встала, потряхнулась и снова отправилась на охоту.

Луна поднялась выше и засияла ярче, облака почти рассеялись, и с крыши сарая Пан мог теперь во всех подробностях разглядеть и огороды, и скотный рынок. Теплицы и огородные пугала, оцинкованные загоны для скота, поилки, старые, прогнившие и покосившиеся ограды и новые, ровные и аккуратно выкрашенные,

оббитые плетями гороха треугольные подпорки на грядках, похожие на каркасы маленьких вигвамов, — все серебрилось в свете луны, словно декорации театра призраков. «Лира, Лира, что с нами случилось?» — прошептал Пан. Никто ему не ответил.

Почтовый поезд уже разгрузили — коротко свистнув, он тронулся с места. Пан ожидал, что сейчас он выкатит на южный путь, тянувшийся вдоль огородов и через реку. Но поезд проехал чуть вперед и, громыхая вагонами, медленно сдал на запасный путь. Пар клубами валил из трубы и разлетался в клочья на холодном ветру.

С той стороны реки, из-за деревьев, приближался другой состав — видимо, не почтовый: проехав мимо станции, он остановился ярдов через триста, у пассажирской платформы. «Наверное, из Рединга», — подумал Пан. Его уши уловили шипение пара и приглушенный скрежет тормозов.

И еще какое-то движение.

Слева от него, где через реку был переброшен железный мост, по берегу, густо заросшему камышами, шел человек. Он явно спешил, но при этом, кажется, старался держаться скрытно. Пан тут же спрыгнул с крыши сарая и бесшумно помчался к реке. Огибая луковые и капустные грядки, проскальзывая между прутьями изгородей, он добежал до ржавой водяной цистерны, пробрался под ней, выскочил на край последней делянки и замер, уставившись на реку и луг через пролом в шиферной ограде.

Человек шел в сторону почтовой станции, и чем ближе он к ней подходил, тем осторожнее становились его движения. Наконец, он остановился у ивы на берегу, ярдах в ста от ворот станции и почти

напротив пролома, за которым притаился Пан. Даже зоркие глаза деймона едва различали его в тенях. Пан потерял бы его из виду, если бы отвернулся хоть на миг.

Человек не шевелился. Пан не столько видел его, сколько просто знал, что он все еще там. Прошла минута, за ней другая. В городе, к которому Пан сейчас сидел спиной, колокола начали отбивать по два удара: половина первого ночи. Пан огляделся. Слева от ивы, неподалеку, стоял старый дуб, раскинув на зимнем ветру голые ветви. А справа...

Справа через ворота почтовой станции перелезал другой человек. Спрыгнув на землю, он торопливо зашагал вдоль берега к той самой иве, где ждал первый.

На миг луна скрылась за тучей, и в набежавшей тени Пан нырнул под ограду и со всех лап помчался по мокрой траве, стараясь не шуметь. Он помнил про сову, помнил про человека под ивой. Но ему нужно было добраться до этого дуба. Добежав, он подпрыгнул, выпустив когти, вцепился в кору и взобрался на высокую ветку, откуда иву было видно как на ладони — теперь, когда луна снова вышла из-за облака.

Человек с почтовой станции уже приближался. Когда он подошел совсем близко и замедлил шаг, взглядываясь в темноту, первый — тот, что ждал под ивой, — бесшумно выступил из укрытия и что-то тихо сказал. Что именно, Пан не расслышал, но так обычно говорят сообщники. Эти люди встретились тут не случайно.

У одного деймон был похож на мастифа, у другого — тоже собака, но ростом пониже, на коротких лапах. Собаки, конечно, по деревьям не лазают, но

учуять его вполне могли, так что Пан еще теснее прижался к толстой ветке. Люди под ивой о чем-то шептались, но слов он по-прежнему не разбирал.

Между высокой проволочной оградой почтовой станции и рекой, вдоль огородных участков, через луга, тянулась тропа к вокзалу. По ней обычно и ходили сюда от церкви Сент-Эбб и газового завода, окруженного сетью узких улочек. С ветки дуба Пан видел дальше, чем люди внизу, и потому первым заметил, что со стороны станции приближается кто-то еще. Один, без спутников, человек шагал по тропе, подняв воротник — должно быть, ему было холодно. Потом из темноты под ивой донеслось: «Ш-ш-ш!» Эти двое тоже заметили третьего.

* * *

В тот же день, только раньше, и не в Оксфорде, а в Женеве, еще двое вели беседу в элегантном особняке семнадцатого века, близ собора Святого Петра. Библиотека на втором этаже выходила окнами на тихую улочку, погруженную в полумрак зимнего вечера. На длинном столе красного дерева были разложены стопки бумаги, карандаши и ручки, стояли пресс-папье, стаканы и графины с водой, но собеседники сидели не за столом, а в креслах по обе стороны от жарко горящего камина.

Хозяин, Марсель Деламар, был генеральным секретарем организации, неофициально известной по названию дома, в котором она размещалась, — того самого, где и шла сейчас беседа. Назывался он *La Maison Juste* — «Дом справедливости». Деламар, ухоженный мужчина чуть за сорок, был в очках и в сером, под цвет его темных с проседью волос, костюме,

безупречно подогнанном по фигуре. Его демон, полярная сова, восседал на спинке кресла. Ее желтые глаза неотрывно следили за демоном в руках гостя — алым ужом, который бесконечной лентой вился и перетекал между его пальцами. Гостя звали Пьер Бино. Ему было за шестьдесят, и в пасторском воротнике он выглядел суровым аскетом. Этот человек возглавлял Суд консистории — главное орудие Магистериума, с помощью которого тот насаждал дисциплину и поддерживал свою безопасность.

— Ну? — поторопил Бино.

— На станции Лобнор пропал еще один научный сотрудник, — сказал Деламар.

— Почему? Что говорит ваш агент?

— По официальной версии, пропавший человек и его спутник заблудились среди протоков, расположение которых меняется очень быстро и непредсказуемо. Местность там и вправду очень сложная: каждый, кто покидает станцию, обязан брать с собой проводника. Но наш агент сообщил, что, по слухам, они отправились в пустыню по ту сторону озера. Там ходят легенды о золоте...

— К черту легенды. Это были специалисты по ботанике и экспериментальной теологии. Люди науки. Они искали розы, а не золото. Но вы говорите, пропал только один? А со вторым что?

— Второй вернулся на станцию, но тут же отбыл в Европу. Его фамилия — Хассаль. Я вам о нем говорил на прошлой неделе, но вы, вероятно, были слишком заняты и не услышали. Мой агент полагает, что этот Хассаль везет с собой образцы роз и пачку статей.

— И мы его еще не схватили?

Деламар не вспыхнул, но это стоило ему явного усилия.

— Если вы помните, Пьер, — произнес он, выдержав паузу, — я настаивал, чтобы его задержали еще в Венеции. Но ваши люди решили иначе. «Дайте ему добраться до Британии и проследите, куда он там направится» — таков был приказ. Ну вот, сегодня он туда прибыл, и ночью его перехватят.

— Дайте мне знать, как только материалы будут у вас в руках. И еще одно: насчет той девушки. Что вам о ней известно?

— Алетиометр...

— Нет-нет-нет. Старомодно, невнятно, слишком много домыслов. Мне нужны факты, Марсель!

— У нас новый чтец, и он...

— О да, я о нем слышал. Новый метод. И что же, он лучше старого?

— Времена меняются, и мы тоже не должны стоять на месте.

— Что вы хотите сказать?

— Я хочу сказать, что мы узнали об этой девушке нечто такое, чего не понимали прежде. Похоже, она под какой-то защитой, и не только в юридическом смысле. Я бы начал разбирать эти защитные укрепления — ненавязчиво, тихо, незаметно. Когда она, наконец, окажется уязвимой, настанет время действовать. А до тех пор...

— Ты осторожен, Марсель, — сказал Бино, поднимаясь из кресла. — Чересчур осторожен. А это большой недостаток. Надо действовать решительно. Разыщи ее, схвати и привези сюда. И действуй так, как сочтешь нужным: на этот раз я не стану вставлять тебе палки в колеса.

Деламар встал и пожал гостю руку. Когда за Пьером Бино закрылась дверь, он подошел к окну. Деймон-сова уселась ему на плечо, и вдвоем они проводили взглядом верховного судью и его помощников (один нес его портфель, другой держал над его головой зонтик, защищая от начавшего накрапывать дождя).

— Не люблю, когда меня перебивают, — пробормотал Деламар.

— По-моему, он даже не заметил, — сказал его деймон.

— Ну, рано или поздно он поймет.

* * *

Человек, шедший от железнодорожной станции, шагал быстро. Не прошло и минуты, как он уже поравнялся с деревом, и в тот же миг двое других набросились на него. Один заступил ему дорогу и, взмахнув тяжелой палкой, ударил по ногам. Человек упал на колени, глухо вскрикнув, а второй принялся избивать его короткой дубинкой, стараясь попасть по голове и рукам.

Никто при этом не произнес ни слова. Деймон жертвы, мелкий ястребок, с воплем взлетел и отчаянно захлопал крыльями, но тут же начал терять высоту: человек слабел под градом ударов, и его птице все труднее было держаться в воздухе.

Затем Пан увидел лунный свет, блеснувший на лезвии ножа, и один из нападавших закричал и рухнул навзничь. Но тут сверкнул второй нож. Он поднялся и опустил еще раз, и еще. Жертва затихла. Пан отчетливо слышал каждый удар.

Человек был мертв. Тот, кто бил его ножом, поднялся и посмотрел на своего сообщника.

— Ты ранен? — спросил он тихо.

— Этот ублюдок перерезал мне сухожилия! Смотри, кровь так и хлещет!

Его деймон, помесь мастиффа с какой-то дворнягой, скулил и корчился на земле.

— Встать можешь? — убийца говорил низким голосом, хрипловато и немного в нос, словно был простужен. Пан различил ливерпульский акцент.

— А ты-то как думаешь?

Они по-прежнему говорили вполголоса, почти шепотом.

— Тогда хотя бы сядь.

Раненый попытался привстать и снова приглушенно взвыл от боли. Сообщник протянул ему руку, и, ухватившись за нее, раненый ухитрился подняться, но было видно, что опираться он может только на одну ногу.

— Что будем делать? — спросил он.

В лунном свете вся сцена была как на ладони: убийца, его раненый напарник и мертвец. Сердце Пана колотилось так громко, что он испугался, как бы его не услышали.

— Ты идиот. Не видел, что ли, что у него нож?

— Он действовал слишком быстро...

— А говорили, ты в этом деле хорош. Ну-ка, с дороги!

Раненый отпрыгнул в сторону на одной ноге. Убийца наклонился, схватил труп за лодыжки и поволол в заросли камыша.

Не прошло и минуты, как он показался снова и нетерпеливо замахал руками, подзывая к себе раненого.

— Обопрись на меня, — велел он. — И скажи спасибо, что я тебя не бросил. А все чувство ответственности, будь оно неладно. Теперь придется возвращаться, чтобы

самому тут все прибрать, а эта проклятая луна с каждой минутой все ярче. Где его сумка?

— Не было у него никакой сумки. Он вообще с пустыми руками шел.

— Не может быть! Вот зараза!

— Возьмешь с собой Барри, он поможет.

— Слишком уж он шумный. Слишком нервный.

Ну, давай руку и пошли. Живее!

— О господи... осторожнее... а-а-а! До чего же больно...

— Заткнись и пошевеливайся! Больно там или нет, мне плевать. Просто держи свой чертов рот на замке.

Раненый обхватил напарника за плечи и захромал с ним в обнимку мимо дуба и дальше, вдоль берега. Пан посмотрел вниз и увидел на траве пятно крови, ярко блестящее в свете луны. Дождавшись, пока те двое скроются из виду, он собрался прыгнуть с ветки, но тут в камышах, куда убийца оттащил тело, что-то зашуршало. Что-то бледное, размером с птицу, вспорхнуло из зарослей и полетело, то и дело проваливаясь в воздухе, взлетая повыше и падая вновь, но как будто страшным усилием опять набирая высоту. Пан понял, что птица летит прямо на него, и застыл, скованный ужасом. Если тот человек умер... Неужели его деймон стал призраком? Что же делать? Но пока Пан отчаянно перебирал варианты — броситься в бой, пуститься наутек, упасть в обморок, — птица уже добралась до ветки, на которой он сидел, и из последних сил попыталась в нее вцепиться. Пану ничего не оставалось, как броситься к ней и поддерживать. На ощупь она оказалась ледяной, но слабая искорка жизни в ней еще теплилась. Значит, человек тоже еще не умер.

— Помоги, — задыхаясь, прошептала птица. — Помоги нам...

— Да, — сказал Пан. — Сейчас...

— Скорее!

Она все-таки упала, но у самой земли успела вспорхнуть и метнулась обратно в заросли. Пан сбегал по стволу дуба и помчался следом за ней. Человек лежал в камышах, его грудь слабо вздымалась, а птица, прижавшись к его щеке, шептала:

— Тут деймон... один, сам по себе...

Человек чуть повернул голову и застонал. Чутким слухом Пан уловил скрежет сломанной кости.

— Сам по себе? — пробормотал человек.

— Да... мы научились разделяться...

— Значит, мне повезло. Внутренний карман. Тут. — Невероятным усилием человек поднял руку и коснулся правой полы своей куртки. — Достань... — прошептал он.

Стараясь не причинить ему новой боли и внутренне сражаясь с великим табу, запрещавшим прикасаться к чужим людям, Пан просунул нос под полу и нащупал во внутреннем кармане кожаный бумажник.

— Да, это он. Забери его. Не дай им его получить. Теперь все зависит от тебя и от... твоей...

Пан потянул бумажник зубами, но тот не поддавался: пола куртки застряла, а человек не мог пошевелиться, чтобы ее высвободить. Несколько секунд Пан тянул и дергал и наконец у него получилось. Он вытащил бумажник из кармана и положил на землю.

— Забирай и уноси... скорее... пока они не вернулись...

Бледная птица-деймон уже теряла очертания. Белым клочком тумана она вилась над телом

